

Заключение

Подводя итоги, можно попытаться кратко сформулировать несколько основных выводов и одновременно ответить на вопросы, которые были поставлены в начале книги.

Нам удалось собрать новые документы, освещающие приезд М.А. Булгакова из Киева на Кавказ, его арест при красных, работу в Терском наробразе, участие в знаменитом диспуте о А.С. Пушкине и проч. Будущий писатель уезжал на Северный Кавказ, занятый деникинцами, добровольно, спасаясь от большевиков, входивших в Киев. Это было в самом конце августа 1919 г. Будучи военным врачом в деникинских войсках, в ноябре 1919 г. он был контужен под Шали аулом, после чего стал сотрудничать в белой прессе. Версия о фронтовой встрече М.А. Булгакова и Б.Е. Этингофа не подкрепляется реальными фактами. Когда деникинцы под натиском большевиков весной 1920 г. покидали Владикавказ, больной тифом М.А. Булгаков не смог уехать вместе с ними. На основании собранного источниковедческого материала, мы заключили, что М.А. Булгаков и Ю.Л. Слезкин были арестованы красными, вошедшими во Владикавказ к началу апреля 1920 г. Скорее всего, арест произошел в первые дни власти большевиков. Оба литератора были приговорены к казни (расстрелу?). Красный комиссар Б.Е. Этингоф, принимавший руководство Терским Наробразом, вынужден был разбирать это дело. Он освободил М.А. Булгакова и Ю.Л. Слезкина из-под ареста и тем самым спас их от казни. Тогда же, по-видимому, и произошло их знакомство. Арест М.А. Булгакова по нашим расчетам продлился около четырех дней на страстной неделе, и спасение совершилось в канун христианской Пасхи, которая была в 1920 г. 11 апреля.

Оба литератора поступили на работу в отдел искусств Терского Наробраза. Б.Е. Этингоф был непосредственным начальником М.А. Булгакова, сотрудничество их продлилось недолго: с апреля по начало июля 1920 г. Примечательно, что Наробраз также зависел от армейских политических комиссаров в своей просветительской деятельности. Новые документы освещают хронологию литературной и сценической деятельности М.А. Булгакова, а также положение литературной и театральной интеллигенции, окружения писателя в этот период. Удалось собрать материал, касающийся организации учреждений культуры в Северной Осетии в первые месяцы власти большевиков и того, что называлось в советское время «культурным строительством». Здесь же мы касаемся контактов М.А. Булгакова с деятелями культуры, работавшими в это время на Северном Кавказе: Ю.Л. Слезкиным, Г.С. Евангуловым, Г.А. Астаховым, Л. Беридзе, Х.-М. Мугуевым и др.

Исследование ситуации периода гражданской войны вокруг М.А. Булгакова дало нам возможность на основании новых документов вскрыть контекст непростой исторической ситуации: расстановку сил в противостоянии белых и красных, тех и других с местным горским населением, а также и внутри стана большевиков. Новые данные дают представление об остром соперничестве ЧК и местного революционного комитета, которые прямо отражались на положении литераторов и местных театров, о роли в установлении красной власти на Северном Кавказе таких деятелей как Г.К. Орджоникидзе, В.М. Квиркелия, С.М. Киров. В частности, удалось проследить и характер репрессий, которым подвергались бывшие белогвардейцы, к их числу относился и будущий писатель. Председатель Терского ревкома В.М. Квиркелия на протяжении летних месяцев 1920 г. ходатайствовал об амнистии 102 белогвардейцев, за каждого из них должны были лично ручаться старые большевики. Очевидно, Б.Е. Этингоф выступал в роли ходатая за М.А. Булгакова.

С 1920-х гг. Б.Е. Этингоф занимал различные должности уже в московских Наркоматах и учреждениях (преимущественно в сфере культуры и цензуры), четыре года провел в качестве консула в Трапезунде; и в течение трех лет, с весны 1930 по лето 1933 г. он был крупным чиновником в Главискусстве Наркомпроса, директором Музея изобразительных искусств и членом правления РТО.

По поводу московского периода жизни и творчества М.А. Булгакова мы, главным образом, располагаем новой информацией о событиях начала 1930-х гг. После периода травли и снятия с репертуара театров всех его пьес весной 1930 г. он написал письмо правительству. По нашим расчетам в подготовке письма и дальнейшем разбирательстве ситуации участвовал Б.Е. Этингоф, который занимал должность заместителя Ф.Я. Кона в Наркомпросе. Ф.Я. Кон и А.С. Бубнов не одобрили дерзкое послание писателя. Это означает, что и приглашение М.А. Булгакова в ТРАМ, и последующее его устройство в МХТ должно было быть организовано вопреки отрицательной резолюции Ф.Я. Кона самим Б.Е. Этингофом и с помощью других, более высоких, ведомств. Дальнейшие события, а также телефонный разговор М.А. Булгакова с И.В. Сталиным происходили вновь незадолго или прямо в канун Пасхи, которая была в 1930 г. 20 апреля.

Именно в тот период могла произойти эмоциональная встреча М.А. Булгакова с Б.Е. Этингофом на Никитинском субботнике, о которой пишет М.О. Чудакова¹, с 1930 г. Б.Е. Этингоф посещал литературный кружок, а затем женился на Е.Ф. Никитиной. То есть это случилось вскоре после благополучного разрешения ситуации весны 1930 г. М.А. Булгаков выражал свою благодарность, и она относилась не только к владикавказским событиям, а к уже дважды состоявшемуся спасению в канун Пасхи с интервалом в десять лет. Сама Е.Ф. Никитина также была весьма влиятельной фигурой в 1920-х – начале 1930-х гг., ее роль в писательской среде этого времени, а также и во взаимоотношениях с М.А. Булгаковым до сих пор была недооценена.

Новый документальный материал о писательских организациях, их зависимости от Главискусства Наркомпроса, о Доме Герцена, о кружке Никитинские субботники и проч. позволяет конкретизировать расстановку сил во взаимоотношениях государственных и общественных литературных объединений. Это была та среда, в которой вращался М.А. Булгаков, тем самым знание фактов его биографии также существенно обогатилось. Писатель бывал у Е.Ф. Никитиной на субботниках и в 1920-х, и в 1930-х годах, принимал участие в мероприятиях литературного салона, читал там свои произведения, участвовал в новогодних празднествах и шуточных подарках, приглашал членов кружка на представления своих пьес.

Будучи чиновником, Б.Е. Этингоф выражал культурную политику того времени с ее вторжением в литературную жизнь, огосударствлением искусства, внедрением его в качестве агитационного средства. Однако он сам не вписался в новую идеологию и вскоре был выброшен из системы Наркомпроса. Будучи мужем Е.Ф. Никитиной, он до конца наивно следовал ее попыткам сохранить субботники, т.е. островок независимости писателей от государства.

Тот факт, что спасение М.А. Булгакова произошло в дважды канун Пасхи (сначала во Владикавказе, а затем и в Москве), вероятно, воспринимался писателем как знак свыше. Эти важнейшие события послужили основой сюжета как «древних», так и московских глав романа «Мастер и Маргарита».

Топография Ершалаима, описанная М.А. Булгаковым, в значительной мере основана на воспоминаниях писателя о Владикавказе, куда он неоднократно возвращался во время работы над романом. Мы пытались показать, что в образ «Города», отражающий исторический Иерусалим евангельской эпохи и его окрестности, как места действия древних глав романа, отчетливо вплетены реминисценции Владикавказа времен гражданской войны. Нельзя также исключить, что образ Ершалаима впитал и черты Киева-Иерусалима, поскольку гражданскую войну М.А. Булгаков переживал в двух городах: в Киеве и во Владикавказе. Тем самым этот образ «Города» благодаря сплетению узловых точек евангельской сакральной топографии с реальными ориентирами, знакомыми писателю, приобретает, с одной стороны, абсолютную достоверность, а с другой – некий метафизический смысл. Трагедии гражданской войны в романе придается библейский масштаб и значение.

¹ Чудакова М.О. Жизнеописание... С. 279.

Хронология древних глав романа, следующая четырем дням месяца нисана и страстной недели со среды до субботы, одновременно отражает реальную последовательность событий ареста и заключения М.А. Булгакова в начале апреля 1920 г. Личные автобиографические воспоминания о приговоре и спасении в канун Пасхи облекаются в форму некоего подобия апокрифического евангелия, что служит осмыслению драматических событий гражданской войны и колоссальной крови, пролитой народом России, противостояния белых и красных, в частности, в образе белого плаща с кровавым подбоем. Взаимоотношения ЧК и Терского революционного комитета могли в преломленном виде отразиться в коллизии противостояния Каифы и Пилата. Прототипами Понтия Пилата могли послужить красные комиссары, и, прежде всего, Б.Е. Этингоф.

Реминисценции Владикавказа и событий гражданской войны встречаются и в московских главах романа, особенно отчетливо это проявилось в его ранних редакциях. Видение Пилата в Москве и пальмы на Патриарших прудах, как и полет директора варьете во Владикавказ, а также другие детали указывают на двухчастную композицию романа, как пространственную, так и хронологическую. Это возможно именно потому, что «новозаветный» материал романа – это одновременно «доисторическое» автобиографическое кавказское прошлое М.А. Булгакова. Такая композиция «Мастера и Маргариты», включающая «древние» и московские главы, в значительной мере основана на автобиографических обстоятельствах жизни писателя.

Кроме того, как и в случае с владикавказским прошлым, есть основания полагать, что события московского периода довольно отчетливо отразились в сочинениях писателя, прежде всего, вновь в романе «Мастер и Маргарита». Образы шабаша, нехорошей квартиры и великого бала сатаны, по-видимому, отражали те впечатления М.А. Булгакова от писательской среды, которые он черпал, в том числе и на Никитинских субботниках. Тем самым сборища этого кружка писателей оказывались некой парой к тому, что происходило в Доме Грибоедова, сначала в ожидании заседания с Берлиозом, а потом в ресторане. Здесь же речь пойдет о некоторых литераторах, с которыми М.А. Булгаков встречался и которые могли стать прототипами персонажей его произведений: о М.Я. Козыреве, С.М. Городецком и снова о Ю.Л. Слезкине, знакомом с владикавказских времен.

В личности самого Воланда отразились некоторые черты Б.Е. Этингофа. Всесилие Воланда соответствовало недолгому высокому статусу Б.Е. Этингофа в писательской среде в качестве крупного чиновника Главискусства. Прототипами Кота Бегемота и Коровьева, могли быть М.Я. Козырев и С.М. Городецкий, а Левия Матвея - Ю.Л. Слезкин. Тем самым не только представители Дома Грибоедова, но и сам Воланд и его дьявольская свита и даже приходящий к нему в Москве вестник из древних глав при всей сложной и запутанной фантастике и философии романа полностью вписываются в литературную среду Москвы, никоим образом не отделены от нее. В образе Маргариты на балу можно усмотреть черты личности Е.Ф. Никитиной. Кроме того, в романе в скрытом виде использованы реминисценции оперы «Евгений Онегин», особенно в сцене погони Иванушки Бездомного за Воландом. Мы пытались показать, что за ними могли скрываться шуточные намеки на личности Е.Ф. Никитиной как Татьяны и Б.Е. Этингофа как Евгения, что находит параллели в стихотворных пародиях того времени.

Подобно тому как «Записки покойника (Театральный роман)» целиком основан на перипетиях театральной среды, окружавшей М.А. Булгакова (главным образом, коллектива Художественного театра), так и роман «Мастер и Маргарита», по-видимому, посвящен преимущественно писательской среде Москвы. Два романа тем самым составляют подобие пары.

Учитывая симметричное расположение на Тверском бульваре Дома Герцена и дома Е.Ф. Никитиной, сопоставление двух писательских групп в романе приобретает замечательную топографическую точность. Писатели с двух сторон бульвара: с одной

стороны, официальные, санкционированные властью и подчиняющиеся Наркомпросу организации, с другой стороны (лишь подразумеваемой и скрытой в тексте) – обреченное на закрытие кооперативное, «вольное» объединение, где при всем гротеске мы видим гораздо больше человеческого и искреннего в окружении сатаны-Воланда. Кроме того, мы отметили и расширение булгаковской топографии Москвы. Явные и скрытые места действия располагаются не только на Садовой в нехорошей квартире и в Доме Грибоедова на Тверском бульваре, но и в доме Е.Ф. Никитиной на том же бульваре. Шабаша могли быть связаны с Серебряным бором, великий бал сатаны – с Музеем изобразительных искусств на Волхонке и проч. Можно также вновь подчеркнуть, что топография в обеих частях романа (в Ершалаиме и в Москве) несет на себе отчетливый отпечаток автобиографического опыта.

Хронология московских глав, как и «древних», строится в романе М.А. Булгакова в соответствии с четырьмя днями страстной недели со среды до субботы, и происходит действие в первые дни мая. Московские события прямо соотнесены с аналогичным временным построением «евангельского» пласта романа. Мы попытались показать, что в этих главах также можно найти отражение реальных автобиографических обстоятельств. Учитывая информацию о биографии писателя московского периода, рассмотренную нами в третьей части, можно заметить, что в замысле романа сыграли роль события, по крайней мере, нескольких лет с 1929 по 1933 год. В хронологии этой части романа привязки именно к разным годам, вероятно, не случайны, напротив, они входили в изначальный замысел М.А. Булгакова. Каждый из четырех дней страстной недели мог быть последовательно соотнесен с разными годами в этом интервале.

Последняя пьеса, задуманная М.А. Булгаковым, возможно, также отражала реальный автобиографический контекст, связанный с историей письма правительству 1930 г., покровительством «всесильного» человека, прототипом которого мог быть Б.Е. Этингоф, занимавший тогда пост заместителя зав. Главискусства, а также с закатом карьеры героя-писателя, последовавшем за крахом его покровителя.

С двухчастной композицией и хронологией романа связана и тема «М.А. Булгаков и И.В. Гете», важность для писателя образа Фауста, поскольку именно реальная автобиографическая канва спасения в канун Пасхи способствовала слиянию у М.А. Булгакова двух тем: Евангелия и Фауста, что давно отмечено Б.М. Гаспаровым². В поэме И.В. Гете композиция строится так, что один главный герой, Фауст, объединяет пласты античной древности и Германии конца XVIII в. Аналогичным образом два героя (Иешуа и Мастер), связанные единым автобиографическим прототипом (личностью самого М.А. Булгакова), объединяют пласты «древних» и московских глав романа «Мастер и Маргарита».

На основании собранного материала можно с осторожностью сделать некоторые выводы о писательском методе М.А. Булгакова. Метафизические (или как отмечал сам писатель «мистические») аспекты его творчества прочно базировались на совершенно конкретных жизненных впечатлениях. М.А. Булгаков, страстно увлеченный фантастикой Э.Т.А. Гофмана и Н.В. Гоголя, использовал подобные образы, опираясь при этом исключительно на свой реальный опыт. И это полностью согласуется с тем, о чем уже говорилось во введении: с важностью автобиографических мотивов для его творчества, с необходимостью писать только о том, что он знал и видел. Кроме того, тот факт, что большинство сюжетных линий и персонажей московских глав были прямо связаны с реальным писательским миром, обнажает и присущий М.А. Булгакову характер сатиры и гротеска, неразрывно продолжающих традиции его собственных фельетонов 1920-х гг.

Б.М. Гаспаров отмечал, что в творчестве М.А. Булгакова сквозными стали несколько важнейших тем³. К их числу исследователь относил евангельские мотивы, привязку событий во многих произведениях к весенним месяцам и Пасхе, а также слияние

² Гаспаров Б.М. Из наблюдений... С. 28-82; Он же. Новый Завет... С. 83-123.

³ Там же.

евангельского повествования и легенды о Фаусте. Б.М. Гаспаров прослеживает в сочинениях писателя лейтмотивы героя, обладающего творческим даром; всемогущего покровителя; советской администрации как inferнальной силы; советского быта как странного мира, в котором присутствует нечистая сила; а также развитие фаустианской темы, в соответствии с которой главный герой заключает договор с сатаной. Кроме того, с темой покровителя неразрывно связана и тема Пилата⁴. Прежде всего, все это относится именно к роману «Мастер и Маргарита».

Теперь на основании источниковедческого материала, собранного нами, можно с уверенностью утверждать, что практически все те лейтмотивы творчества М.А. Булгакова, которые так пронцательно отмечал Б.М. Гаспаров, основаны на обстоятельствах собственной биографии писателя.

Вместе с тем, как уже неоднократно говорилось, автобиографические и прототипические темы, выделенные нами, никоим образом не могут охватить весь многогранный замысел М.А. Булгакова. Очевидно, что наряду с событиями, прокомментированными в этой книге, он использовал множество других прототипов, комбинируя их с иными жизненными впечатлениями, а также литературными сюжетами, историческими параллелями и философскими идеями.

⁴ Там же.